

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

DOI: 10.31860/0131-6095-2019-3-242-244

© С. А. Семячко

КОРМЧАЯ КАК СБОРНИК УСТОЙЧИВОГО СОСТАВА*

Кормчая книга, славянский сборник канонического права, имеет долгую историю изучения. На протяжении этой истории было сделано немало выводов разной степени значимости, и всех их объединяет одно — они были сделаны на основе ограниченного, а порой и достаточно случайного материала. Степень репрезентативности материала становится очевидной лишь при наличии работ, весь этот материал учитывающих и систематизирующих. В позапрошлом году как раз и вышли в свет два¹ фундаментальных исследования, которые характеризуют материал практически полностью и позволяют говорить о завершении определенного этапа в исследовании славянской Кормчей.

В первом томе своего труда М. В. Корогодина представляет исследование традиции памятника на Руси (вывода за его границы описанные ею ранее редакции, возникшие и бытовавшие в Галицких землях²), во втором — описание всех редакций Кормчей книги по всем известным в настоящее время спискам. Особо следует отметить стремление исследовательницы учесть *все* списки³ и каждому из них най-

ти свое место в истории текста памятника. Кормчая книга — это сборник устойчивого состава, включающий в себя большое количество статей, как переводных, так и возникших уже на русской почве. Описание состава подобного рода сборников оказывается непростой задачей, поскольку необходимо при этом продемонстрировать как отличительные черты разных редакций, так и вариативность состава сборников в пределах одной редакции. В подобных случаях оказывается важной сама организация материала. Форма подачи материала приобретает почти первостепенное значение.

Корогодина связь между различными редакциями и вариантами Кормчей показывает через инципитарий. Инципитарий превосходен. В нем за каждым инципитом следует краткая характеристика статьи, варианты самоназвания, перечень редакций и вариантов Кормчей, в которых эта статья читается. Инципитарий дает полное представление о том, насколько часто та или иная статья встречается в составе Кормчей. Но он не дает, да и не может давать, представления о том, что происходит внутри каждой редакции. Увы, мы не можем составить представление об этом, и когда читаем описание той или иной редакции. Мы видим, как трансформируется состав Кормчей внутри редакции, поскольку Корогодина указывает отличительные черты разных вариантов и отдельных списков редакции (приводит дополнительные по отношению к основному списку статьи, отмечает отсутствующие). Однако мы не можем оценить, насколько состав редакции совпадает / не совпадает с составом других редакций. Перекрестные ссылки между редакциями и вариантами осуществляются через посредство инципитария. Лишь обратившись к нему, мы можем увидеть, в каких еще редакциях и вариантах Кормчей встречается та или иная статья.

лище им. В. И. Малышева ИРЛИ РАН вместе с находящейся в нем Кормчей книгой (ИРЛИ. Дрвслехранилище им. В. И. Малышева. Колл. М. Ф. Першина. Оп. 49. № 20). В описи коллекции она датирована несколько более поздним временем, чем предполагает Корогодина, — концом 40-х — началом 50-х годов XVII века. Впрочем, теперь у исследовательницы есть возможность уточнить свои наблюдения.

* Корогодина М. В. Кормчие книги XIV — первой половины XVII века. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2017. Т. 1: Исследование. 598 с. Т. 2: Описание редакций. 648 с. Рецензия написана при финансовой поддержке РГНФ (РФФИ), проект № 17-04-00050.

¹ Незадолго до выхода в свет рецензируемого исследования вышла коллективная монография, посвященная Печатной Кормчей (Белякова Е. В., Мошкова Л. В., Опарина Т. А. Кормчая книга: от рукописной традиции к первому печатному изданию. М.; СПб., 2017), в силу своей специфики заслуживающая отдельного разговора.

² Корогодина М. В. Кормчая книга в Галиции XVI — начала XVII века. СПб., 2015.

³ Корогодина последовательно отмечала все списки, которые когда-либо фигурировали в исследованиях других ученых и которые ей не удалось обнаружить. Среди подобных рукописей отмечена и Кормчая, которая на момент ее изучения Я. Н. Щаповым находилась в частном собрании М. Ф. Першина (Т. 2. С. 134–135). Это собрание поступило в Дрвслехрани-

Важность организации материала при описании сборников устойчивого и относительно устойчивого состава очевидна. Кормчая не единственный сборник подобного рода, и опыт Корогодиной может быть учтен при описании других сборников. Причем может быть использован не только опыт подачи материала, серьезно облегчающий восприятие текстологических построений исследователя: аннотированный инципитарий, созданный Корогодиной, становится прекрасной базой для описания любого сборника, так или иначе связанного с Кормчей, позволяя легко выявить общий блок статей.

Так, мы можем довольно просто установить, каким образом связана Кормчая с нравственно-дисциплинарным сборником «Старчество», служившим своего рода методическим пособием для старца-наставника новоназначенного инока и в силу этого сосредоточенным на уставных вопросах. Казалось бы, учитывая особый интерес составителей «Старчества» к вопросам монастырского устава, следует ожидать в составе этого сборника большого количества статей, заимствованных из Кормчей. Однако сопоставление инципитариев⁴ демонстрирует совершенно иную картину. Если учитывать тексты, присутствующие в большинстве вариантов «Старчества» и составляющие своего рода ядро сборника, то общих для «Старчества» и Кормчей статей окажется совсем немного. Во-первых, это блок статей об искушении: надписанное именем Максима Исповедника «Сказание о чувствах телесных и о душевных свойствах» и «Сказание об образе греховном». Во-вторых, это «Устав, переданный ангелом Великому Пахомию». В-третьих, это фрагменты «Сказания Кирилла Туровского об иноческом чине». В-четвертых, «Завет (или Заповедь) мнишеского жития юным чернецам в кельи».⁵ Однако эти статьи были чрезвычай-

⁴ Инципитарий сборника «Старчество» еще не издан, существует в черновом варианте как вспомогательный исследовательский инструмент.

⁵ На примере этого текста можно еще раз продемонстрировать полезность аннотированного инципитария, составленного Корогодиной: в сопровождающих инципиты аннотациях в той или иной степени затрагивается вопрос о происхождении отдельных статей Кормчей. Что касается «Завета», то вопрос о его происхождении представляется весьма актуальным. Надписание этого текста в ряде списков именем Василия Великого не находит подтверждения, его греческий оригинал не известен, возможно, его не существует вовсе. С момента введения «Завета» в научный оборот высказывалось предположение о его русском происхождении (см.: [Невоструев К. И.]. Древнерусские поучения и послания об иноческой жизни. Харьков, 1862. С. 51–52). Как известно на настоящий момент, его наиболее ранний список находится в составе Кормчей ГИМ. Чудовское собр. № 4. Естественно возникает вопрос: свя-

но широко распространены в древнерусской рукописной традиции, они входили и в другие сборники устойчивого и относительно устойчивого состава. Вопрос об источнике их заимствования в сборник «Старчество» не столь очевиден и не решается лишь сопоставлением «Старчества» и Кормчей.⁶ Тем не менее очевиден путь, который может привести к решению вопроса происхождения и взаимоотношений различных сборников устойчивого и относительно устойчивого состава: выявление максимально возможного числа списков каждого сборника, установление вариативности состава каждого сборника, составление инципитария и путем сопоставления инципитариев выявление общих для разных сборников статей. Максимально возможный материал, должным образом систематизированный, позволит избежать скороспелых выводов, сделанных на основе изучения случайных списков.

Возвращаясь к вопросу о возможных заимствованиях в «Старчество» из Кормчей, надо заметить, что они, безусловно, были, но это были заимствования в отдельные варианты или вовсе в отдельные списки. Они отражают интересы некоторых книжников, скомпоновавших «свой» «Старчества», но вряд ли играют особую роль в истории сборника в целом. Впрочем, этот вопрос заслуживает отдельного рассмотрения. Сейчас же можно предположить, что Кормчая для «Старчества» была слишком «серьезным» источником: возможно, каноническое право играло не последнюю роль в формировании монастырского дисциплинарного устава, но вряд ли было тем материалом, который предназначался для новопостриженного инока, постигавшего самые азы монастырской жизни.

Вопрос о влиянии Кормчей на формирование дисциплинарного устава русских монастырей еще ждет своего исследования. Позволю себе остановиться лишь на одном замечании Корогодиной: «Еще в XIV веке в Кормчие был внесен ряд статей, касающихся монашеской жизни: монашеские уставы, епитимийные правила для иноков, наставления новоназначенным монахам. Эта особенность привела к тому, что Кормчая стала одной из книг, входивших в обязательный состав монастырской библиотеки. Изначально не обращенная к монашествующим, Кормчая стала восприниматься,

зано ли происхождение «Завета» с созданием этого списка Кормчей книги? Пусть исследование Корогодиной и не дает ответа на такие вопросы, но оно делает постановку этих вопросов очевидной.

⁶ По отношению к некоторым статьям представляется более вероятным предположение об их заимствовании не из Кормчей, а из Следованной псалтири (об этом, в частности, см.: Гордиенко Э. А., Семлячко С. А., Шибяев М. А. Миниатюра и текст: К истории Следованной псалтири из собрания Российской национальной библиотеки F.I.738. СПб., 2011. С. 140–141).

в том числе, как книга о монашествующих. Ссылка на Кормчую появляется в духовном заветании Ефросина Псковского: „А по Правилу святыхъ отецъ въ келиахъ чернецемъ не ясти, развѣ праздника или пиршества какого, ни женамъ быти въ манастырѣ, ни мылни держати, ни нѣмецкого платиа носить, ни съ пухомъ шубъ носить“ — [ААЭ. Т. 1: 83. № 108]. Это ложная отсылка: в Кормчих нет текстов, в которых высказывались бы подобные запреты, кроме запрета пребывать женщинам в монастыре, хотя схожие темы рассматриваются» (Т. 1. С. 502). Но есть ли здесь ссылка на Кормчую? Заглавные буквы расставляет при публикации древнерусского текста исследователь, тем самым, возможно, превращая некие «правила святых отец», находящиеся в самых разных текстах в составе самых разных сборников, в имя собственное, книгу «Правила свя-

тых отец», понимаемую как книга Кормчая. Впрочем, это деталь, которая лишь еще раз свидетельствует о том, какие перспективы для дальнейшей работы открывает исследование М. В. Корогодиной. Среди таких перспективных направлений не последнее место занимает изучение влияния Кормчей на формирование монастырского дисциплинарного устава.

Прослеженный исследовательницей путь Кормчей книги от вершин светской и церковной власти вниз, в монастыри и приходы, подкреплен огромным материалом, позволяющим получить ответы на многие вопросы, но еще больше поставить вопросов новых. И конечно, становится еще более очевидной необходимость критического комментированного издания Кормчей или ее отдельных редакций, в чем хочется пожелать Корогодиной успеха.

DOI:10.31860/0131-6095-2019-3-244-246

© Е. Д. Кукушкина

Г. Р. ДЕРЖАВИН ГЛАЗАМИ СОВРЕМЕННОКОВ*

В конце 2018 года в связи с 275-летием со дня рождения Державина Всероссийский музей А. С. Пушкина и Музей-усадьба Г. Р. Державина издали книгу, которая будет полезна всем, кого интересует история русской литературы и культуры. Объемистый том «Г. Р. Державин в воспоминаниях современников» составили очерки, воспоминания, дневниковые записи, анекдоты тридцати трех авторов. Среди них известные писатели И. И. Дмитриев, С. Н. Глинка, А. С. Пушкин, С. Т. Аксаков, С. П. Жихарев и другие литераторы, племянницы супруги Державина Дарья Алексеевны Елизавета и Прасковья Львовы, дочь В. В. Капниста Софья Скалон, люди из ближайшего окружения Державина. Тексты, составившие книгу, публиковались и раньше, но впервые они собраны воедино. Это как раз тот случай, когда количество переходит в качество. Материалы сборника дополняют друг друга, и каждый из них раскрывает перед читателями новые грани характера этого неординарного человека, облекают его условный образ во плоть.

Предисловие к книге, написанное Н. П. Морозовой, заведующей отделом «Музей Г. Р. Державина и русской словесности его времени», знакомит читателя с принципами составления

издания и его основными материалами. Составители сборника Н. П. Морозова и Б. А. Градова расположили тексты в хронологическом порядке, соответствующем их появлению в печати. Такая структура книги отчасти позволяет читателю составить представление о том, какие изменения претерпевало отношение к Державину-поэту и Державину как личности на протяжении XIX века. Тексты снабжены комментарием, содержащим краткую информацию о времени и месте их первой публикации и об их авторах. Часть мемуаров печатается с уточнениями по рукописям. Большим достоинством книги является наличие аннотированного именного указателя лиц, упоминаемых в ней. Справочный аппарат переводит издание из разряда популярных в разряд научных. Книга иллюстрирована.

Личность Державина предстает в книге в широком контексте литературной и общественной жизни конца XVIII — первой трети XIX века, а воспоминания о нем проникнуты осознанием его индивидуальной неповторимости и значимости.

Державин, ставший классиком еще при жизни, являл собой столь яркую и цельную фигуру, что любая встреча с ним, даже случайная и краткая, оценивалась современниками как одно из важнейших жизненных событий. Пушкин вспоминал, как, будучи лицеистом, с «упоительным восторгом» прочел перед Державиным «Воспоминания в Царском селе». П. И. Шаликов (1768–1852), поэт и издатель, день своего знакомства с Державиным летом 1810 года считал «благополучнейшим» днем

* Г. Р. Державин в воспоминаниях современников / Сост., вступ. статья Н. П. Морозовой; подг. текстов и комм. Б. А. Градовой (мемуары П. Н. и Е. Н. Львовых, С. В. Скалон), Н. П. Морозовой. СПб.: Всероссийский музей А. С. Пушкина, 2018. 440 с.; ил.